

МО ЛЕНКОР

ВЕРДАНСКИЕ ЛИСЫ

18+
18+

Мо Ленкор

Верданские лисы

<https://litres.ru/74485347>

SelfPub; 2026

Аннотация

От неё легко потерять голову — она красива, талантлива и, кажется, создана для любви. Вот только каждое её свидание заканчивается одинаково: неловкостью, ужасом и катастрофой.

Каждый мужчина, оказавшийся рядом, рано или поздно жалеет о том, что однажды её повстречал. Случайность? Невезение? Или проклятье, которое тянется за ней долгие годы?

И вот, когда она почти смирилась с тем, что любовь для неё невозможна, появляется он — мужчина, о котором она мечтала всю жизнь. Только теперь ей предстоит узнать: он её спасение или следующая жертва её проклятья?

Содержание

Глава 1

4

Мо Ленкор

Верданские лисы

Глава 1

Вур, материк Грантер, республика Астеруйя, 2520 цикл с Великого разлома

— Я проклята, — выдыхаю и кошусь на занявший половину моего стола чемоданчик, в котором Дарла хранит свои «сокровища».

— Ганя, ну что за настрой! — Дарла чуть отстраняется от моего лица, внимательно изучает его и набирает на пушистую кисточку очередную порцию рассыпчатой массы изумрудно-зелёного цвета. — Ты впервые за... за сколько, кстати?

— За пять циклов, — нехотя признаюсь я.

Спина затекла от долгого сидения, я разминаю плечи и заодно отодвигаю подальше от края одну из раскрытых палеток, которые вместе с тубиками из чемоданчика расползлись не только по столу, но и добрались до подлокотника дивана.

Уборка — последнее, чем я сейчас хочу заниматься.

— О ужас! Ну, в смысле не ужас, конечно, хотя... прости, подруга, но это всё-таки ужас: за пять циклов ни разу не вывести вот эту красоту, — она ловит у моего виска рыжеватую

волнистую прядь и проводит кисточкой по воздуху, словно обводит изгибы тела, — на свидание.

— Ты прекрасно знаешь, почему я не ходила на свидания.

— Я морщу нос и фырчу. — Потому что я прок...

— Тс-с-с, — Дарла подносит кисточку ближе к губам.

Её идеально уложенная стрижка пикси подчёркивает длинную шею и изящные уши. В левом ухе пустоует место обручальной серьги, но выше мочки все сияет от россыпи мелких камней и причудливых линий металла.

Одну из серёжек Дарла прямо сейчас крутит пальцами. Когда в детстве мы с ней что-нибудь вытворяли, она всегда так делала перед тем, как с убедительным видом что-то наплести матери. Дарла замечает мой взгляд, отдёргивает руку и прячет её за спину.

— Я хочу сказать, что ты нагнетаешь, и вовсе это не проклятие, а просто, ну... лёгкое невезение...

Я выгибаю бровь.

— Ну, ладно. Просто невезение. — Она плюхается на диван рядом со мной.

— Мне напомнить тебе, что Барри, от которого я была без ума, когда нам было по шесть, рассёк бровь об угол стола, пытаясь меня поцеловать?

— Ну подумаешь, заплелись ноги, с кем не бывает? В шесть мы все, знаешь ли, не отличались ловкостью.

— До этого они у него никогда не заплетались, — хмурюсь я, вспоминая, как мы играли и часами носились друг за

другом, и я ни разу не замечала за Барри никакой неловкости. — Ну, допустим, Барри подвели ноги, а как насчёт Далана? То есть у тебя не вызывает никаких подозрений внезапно заболевший у него живот? И мы будем делать вид, что все дальнейшие события тоже случайны?

Я даже вспоминать не хочу о том позоре.

— А-а-а, ты про то, как его вывернуло на глазах у всех сразу после поцелуя с тобой? — Дарла хихикает. — Здорово его, конечно, тогда фонтануло!

Она поворачивается ко мне, прикрывает рот руками и прочищает горло:

— Прости, прости, это вовсе не смешно. Ни капельки. — Словно в противовес своим словам Дарла поджимает губы. — Ну, ты же помнишь, что перед этим мы без спроса стащили злёттер и хорошенько его надегустировались? По сколько нам вообще было? По двенадцать? После того вечера плохо было не только Далану, меня вообще отец запер дома на целую декаду.

Я провожу рукой по лбу.

— Эй! — Дарла шлепает меня по руке, выхватывает из чемоданчика кисточку покрупнее и проходится ей там, где ещё несколько секунд назад была моя рука, — я тут что, зря стараюсь?

— Прости... — Я откидываю голову на спинку дивана и смотрю на бирюзовый потолок.

Этот оттенок слегка успокаивает неприятное волнение,

поднимающееся откуда-то из моего желудка всё выше. Я шарю справа рукой, приподнимаю с дивана фиолетовую подушку, под ней пусто, как и под розовой, а вот под жёлтой я наконец нащупываю спрятанный на подобный случай батончик. Откусываю от него кусок.

— Так и знала, что до этого дойдёт, — усмехается Дарла.
— Ничего, губы накрасим позже.

— Ладно, этих двоих ещё можно списать на стечение обстоятельств, но Миэль... — я обращаюсь куда-то в потолок и пережёвываю следующий кусок.

— Кстати, а что с ним стряслось? Никто из вас так и не проговорился, но я помню, что он пропал на месяц, а когда вернулся, шарахался от тебя, словно боялся подцепить вздохную лихорадку!

Я возвращаюсь в тот момент. Провожая меня до дома, Миэль, высокий светловолосый Миэль, который так долго уговаривал меня пойти с ним на свидание, Миэль, с которым я провела один из лучших вечеров в своей жизни, прижал меня к себе, спустил с наших лиц защитные маски и страстно поцеловал меня, как никто до него. А потом я вспоминаю, что произошло после, и бабочки у меня в животе в очередной раз обжигают крылья и перестают порхать.

— Когда мы гуляли, он... оступился и провалился в люк! В люк! — Я взмахиваю руками и роняю их на ярко-зелёную обивку. — Да ты вообще слышала хоть об одном человеке, провалившемся в люк? Люки же все заблокировали. А тут

открытый, да ещё в самом центре Астеруии! Как же я перепугалась тогда... Повезло, он смог зацепиться за остатки лестницы, но всё-таки сломал руку.

Я мрачней ещё сильнее, потому что у меня в голове звучат слова, сказанные Миэлем после этого. Слова, заставившие меня прореветь не одну тень¹.

«А ведь всё, что про тебя говорят, правда. А я ещё не верил... Знаешь, пожалуй, тебе лучше никогда ни с кем не встречаться. Держись от меня подальше, пожалуйста, просто держись от меня подальше».

— Эй, ну ты чего нос повесила! Ты же не виновата, что он под ноги не смотрел!

Я усердно жую, заглушая горечь во рту фруктовой сладостью. Сглатываю.

— Ага, и в том, что случилось с Варларом, не виновата?

— Конечно, не виновата! — Дарла подскакивает с дивана, её черный, с мятными в тон волосам вставками костюм, выделяется на фоне полосатых, выкрашенных в пастельные тона стен. — За то, что Варлара избили по пути к тебе, отвечают только те подонки, что это сделали, и уж точно не ты! Тебя даже рядом с ним не было!

В глазах мутнеет от слёз, грудь сдавливают:

— Мы собирались пойти на наше первое свидание, он мне

¹ **Тень** на планете Вур, где происходит действие, — аналог нашей ночи, тёмное время суток, по освещению больше похожее не на привычную нам черноту ночи, а на время между сумерками и полной темнотой. Отсюда и название. Свет на Вуре — аналог нашего дня, светлое время суток.

та-а-ак нравился! Так нравился...

— Этот пескоед с тобой даже не объяснился после этого и растрепал всем, что ты «проклятая»! Ну какая же чушь... Так ему и надо!

Я всхлипываю.

— Дарла, таких случайностей не бывает!

Она вновь падает на диван и крепко меня обнимает.

— Ну тише-тише, ты чего! Ты просто как героиня из сказок. Чтобы тебя добиться, герой должен пройти испытания, а все прошлые просто были тебя не достойны, если сложили лапки и поджали хвосты при первых же трудностях!

— Даже моя ма... — дыхание перехватывает, но я утыкаюсь Дарле в плечо и продолжаю: — Моя родная мать отказалась от меня при рождении... Она продала меня! Даже после этого ты скажешь, что я не проклята?

Плечо Дарлы напрягается, и она впервые не находится с ответом. Я заглядываю в бледно-зелёные глаза, они на несколько тонов светлее моих и без примеси охры. Её брови ползут вверх, а рот открывается и закрывается, но потом она наконец произносит:

— Ты никогда не говорила...

Я вытираю слёзы с ресниц, размазывая по лицу всё, над чем Дарла так усердно колдовала последний час. Выпрямляю спину и иду в ванну. Я никогда не красилась и, если я недостаточно для него хороша, то пусть просто уйдёт, и, возможно, тогда моё проклятие обойдёт его стороной.

Я безжалостно плещу на лицо воду. Спустя несколько секунд пришедшая в себя Дарла появляется в проходе ванны. Она с жалостью наблюдает за тем, как её труды смывает поток воды.

— Ганя, слушай, пусть Телпа тебе и не родная мать, но она лучшая мать, какую я знаю. Да мы все тебе завидовали! Тебя ведь даже ни разу не наказали, что бы мы ни вычудили, даже когда мы изрисовали косметикой Телпы половину вашей квартиры, помнишь?

Я хмыкаю, я с детства обожала рисовать. Телпа тогда лишь потрепала меня по голове, сказала: «художница ты моя» и купила мне планшет, а я с того момента потеряла всякий интерес к её косметике.

— Спорим, и после того случая со злиттером тебе даже не влетело. — Мне и правда не влетело. — Посмотри на себя, она дала тебе всё: ты можешь одеваться так, как захочешь...

Я оглядываю идеально сидящий на мне и сшитый на заказ костюм оттенка, что называется «дикий розовый».

— ...Ты живёшь в этой роскошной квартире, — она проводит рукой по рельефной, имитирующей волны, ультрамариново-синей стене ванной, — ты скоро станешь, как и Телпа, знаменитым архитектором, да разве это проклятие? Да это чистой воды удача! Кто знает, где и кем бы ты сейчас была, не откажись от тебя твоя «родная» мать!

Я знаю где. Телпа даже устроила нам встречу, но материнских чувств у той неопрятной женщины ко мне так и не воз-

никло, она лишь окинула меня неприязненным взглядом и сообщила, что я копия своего отца, и, пожалуй, ей следовало бы, как она и планировала, избавиться от меня ещё до рождения. Эти слова пробили брешь в моей обороне, пусть я никому и не показала этого.

А когда я спросила про отца, она сообщила мне, что «этот мерзавец, к счастью, уже сдох» и я могу не тратить время на его поиски. Я обхватываю себя руками.

— Ты же в курсе, я безумно люблю Телпу и счастлива, что она забрала меня, но это не отменяет того факта, что я...

— Прекрати! С таким настроением это свидание обречено на провал. Остаётся надеяться, что Куэйн так легко не сдастся.

— Ага...

По правде говоря, я даже не понимаю, нравится ли он мне. Просто он оказался самым упорным и весь последний цикл в Центре искусств вился вокруг меня, а я так устала быть одна...

— Подруга, ну ты чего? Бодрее! — Дарла несколько раз проводит руками по моим.

— Я же не умру старой девой, правда? — Я с надеждой смотрю на Дарлу через зеркало. — Мне двадцать два, а у меня ни с кем ничего...

— Ну конечно, нет! Ты же красотка, да ты только полюбуйся! — Она подмигивает и тепло улыбается, а я критически изучаю свою пятнистую от веснушек кожу.

— Если бы я с утра забыла нарисовать лицо, — Дарла при-

валивается к косяку, — то распугала бы всех прохожих, а ты даже без косметики выглядишь, как... да даже сравнить не с кем! В общем, будь я мужиком, я бы давно взяла тебя в оборот.

Она смеётся, я тоже.

— Ой, не прибедряйся. — Я выхожу из ванны и утягиваю её за собой. — Лучше признайся, что тебе просто нравится скупать все эти бесконечные баночки, тюбики и коробочки и прятать их в этом бездонном сундуке.

— Ладно, что есть, то есть. Только поверь мне, этот «сундук», — Дарла подходит к столу и проводит по чемоданчику рукой, — мой билет в страну вечной молодости и красоты. Однажды, когда ты станешь дряблой, пусть и миленькой старушенцией и станешь вымаливать мои секреты, я просто так не сдамся! — Она угрожающе качает пальцем. — Тебе придётся спроектировать мне дом... ну или хотя бы хорошенько накормить. И даже не мечтай подкупить меня одним из своих безвозвратно портящих фигуру батончиков.

Я улыбаюсь, несколько секунд изучаю её разноцветные ногти и перехожу на серьёзный тон:

— Прости, что я разнылась и вывалила это всё на тебя. Просто боюсь, что всё опять закончится ужасно...

— Для чего ещё нужны друзья? Тем более ты ноешь, по моему, впервые с нашего знакомства, раньше мне всегда казалось, что все эти дурацкие слухи про проклятье вообще тебя не беспокоят. — Дарла подхватывает кисточку и палет-

ку. — Обновим?

Я лишь качаю головой.

— Может, тебе на всякий захватить что-то из лекарств?

— Дарла раскрывает зеркальце, подносит его к лицу и водит по розовеющим на глазах щекам пушистым шариком.

Мне это точно без надобности, моя кожа, словно индикатор неловкости. Она за секунды может менять оттенки от сливочного до пунцово-красного.

Крышечка зеркала захлопывается, а я бросаю Дарле раскрытую сумку. Она заглядывает в неё.

— Да тут прямо переносная аптечка, та-а-ак, что тут у нас, — она читает название на этикетке, — противорвотное, от головной боли, даже набор для перевязки... Подруга, прости, но ты будто не на свидание собираешься, а на курсы оказания первой помощи.

Вздыхаю, их я тоже прошла перед тем, как согласиться куда-либо идти с Куэйном. Время на настенных часах неумолимо движется вперёд.

Хватит оттягивать неизбежное, он вот-вот будет здесь.

Я надеваю на голову обод набка². Перед глазами появляются привычные линзы очков, жаль, что они прозрачные и не способны скрыть от окружающих мою неуверенность.

² Набк — специальное устройство на голове, похожее на обруч или на средневековую диадему, проходит на уровне висков. Под ним очки дополненной реальности. Включает встроенную камеру.

— Стейки здесь отменные, — Куэйн распиливает тонкий, почти сливающийся с тарелкой кусок мяса. Почему-то я вспоминаю слова Дарлы о том, где я могла быть, если бы Телпа не забрала меня. На всю Астеруйю всего несколько мест с «живой» кухней, большая часть населения республики может позволить себе лишь еду из тюбиков. Они называют их паками.

Мне приходилось покупать паки во время обучения. По сравнению с «живой» едой, недостатка в которой благодаря Телпе я никогда не испытывала, это просто безвкусная масса, способная лишь забить желудок в момент крайней необходимости.

— Говорят, каждое утро у них поставка напрямую с Вердов, — продолжает Куэйн.

Если мясо привозят сюда с островов, это объясняет, откуда здесь такие цены. «Астерна» — самое дорогое место во всей Астеруйе, а я столько ем, что, если бы сейчас до ужаса не стеснялась, зная, что оплачивать счёт не мне, то вместо совершенно неаппетитно размазанного по тарелке пюре уже уплетала что-то вроде стейка Куэйна, и одного мне было бы явно недостаточно.

Он выглядит так соблазнительно, что я мило улыбаюсь и целюсь вилкой в один из сочных кусочков мяса на тарелке напротив, но не успеваю подхватить его.

— Рангана, дорогая, ты тоже хочешь? — Куэйн нежно бе-

рет меня за руку. — Сейчас я закажу тебе. Только, пожалуйста, никогда не трогай мою еду. Я всегда заказываю ровно столько, сколько хочу съесть.

Он, не слушая возражений, заказывает стейк и мне. Что-то вполголоса добавляет официанту, но от бурлящего внутри раздражения я даже не вслушиваюсь в его слова. Не проходит и двадцати минут, как с кухни приносят горящим голубым огнём стейк. Эффектная подача, только после слов Куэйна она уже меня не впечатляет, как и вкус мяса, но я механически работаю челюстями, чтобы скорее от него избавиться. Кажется, Куэйн наблюдает за каждым моим движением, от этого волокна великолепно прожаренного мяса словно превращаются в зубцы, цепляющиеся за горло.

— Не попробуешь соус? — спрашивает он.

— А? — Я замечаю горку винного цвета в углу тарелки, у Куэйна такой не было. Заинтригованная, я макаю в неё очередной кусок мяса. — М-м-м...

Вкуснейший соус обволакивает все вкусовые рецепторы, я уже подношу вилку, чтобы набрать его побольше и замираю, не донеся её до цели.

— Стой, а как ты узнал, что я люблю ягодный? Ведь тут другая подача... Разве нет?

Куэйн отводит глаза и стряхивает невидимые пылинки с рукава:

— Было нетрудно догадаться. Все девушки любят сладкое, — он пожимает плечами.

Ничего не все, Дарла вот обожает острое.

Я не вступаю в бессмысленный спор, тем более он и прав-
да удачно угадал. Не проходит пяти минут, как я последним
кусочком стейка пытаюсь доскрести оставшуюся на тарелке
бледную полосу соуса.

Справившись с задачей, я поднимаю глаза и сжимаю вил-
ку крепче.

О ужас, он всё это время что, наблюдал, как я ела?

— Ты такая красивая. — Куэйн придвигается ближе и за-
правляет выпавшую прядь мне за ухо, этот жест выжимает
шестёрку из десяти по моей шкале неловкости: щёки горят,
и я прижимаю к ним холодные ладони. — Ты так долго из-
бегала меня, что я уже думал, у меня нет шансов.

Он улыбается, вряд ли он на самом деле так думал. Один
из самых симпатичных парней нашего потока: у него корот-
кие светлые волосы с удлинённой чёлкой, пряди на ней выбо-
рочно тонированы в недавно вошедший в моду фиолетовый
оттенок, Куэйн отлично сложен и стильно, пусть и немного
пресно, одевается; я не интересовалась, кто его родители, но
раз мы здесь, то проблем с уникайнами у них точно нет, и он
точно не привык к отказам. Его не остановила и сотня моих.

А ещё с ним до сих пор ничего не случилось.

*Может, я и правда не проклята, или у моего проклятия
есть срок годности, и он истёк?*

— Но раз мы здесь, давай теперь без игр. Мы идеально
подходим друг другу, ты тоже скоро это поймёшь.

Теперь пожимаю плечами я. Я не никогда с ним не играла, а подходим ли мы друг другу, покажет лишь время. К счастью, Куэйн не давит, а возвращается к еде. Пока он не торопясь жуёт, моё внимание привлекает лазерно-жёлтая сумочка женщины, сидящей позади него.

Какой потрясающий цвет.

Я максимально незаметно нажимаю кнопку на наоке и делаю кадр. Чуть позже я найду, где её можно купить.

— Рангана, ты что, сейчас сделала кадр с кем-то из гостей позади нас? — Куэйн хмурит брови.

— Что? Нет, конечно, нет. Я просто обожаю необычные цвета, а у той женщины сумочка просто восхитительного оттенка.

Куэйн оборачивается, женщина замечает наше внимание и опускает сумочку на пол. Когда Куэйн вновь смотрит на меня, его брови практически встречаются друг с другом.

— Дорогая, теперь мы вместе, и я думаю, тебе стоит одеваться чуть более сдержанно, мой отец — член Совета, и я боюсь, для него это... — он смотрит на мой костюм, — слишком смело.

Теперь уже хмурюсь я.

Его отец в Совете.

И ему не понравится мой стиль.

Только я уже не девочка, которую можно дразнить за то, что она отличается. Если после каждой волны слухов о моём проклятии мне не хотелось даже выходить на улицу, то глу-

пые шутки по поводу яркой одежды меня никогда не цепляли, а их авторы тут же вылетали из круга моего общения.

В нашем мире и так слишком много серости, чтобы я стала одним из миллиардов тёмных пятен.

— Мы пока не вместе, но даже если и будем, какое отношение к тому, как я одеваюсь, имеет твой отец?

— Рангана, надеюсь, мои слова тебя не обидели? Ты прекрасна в любой одежде. Твои глаза с нашей первой встречи сводят меня с ума, а твои волосы... тебя и без ярких костюмов просто невозможно не заметить в толпе. Я лишь хочу сказать, что с работой отца наша жизнь постоянно привлекает внимание репортёров.

— И? — я смягчаюсь, но не собираюсь облегчать ему задачу.

— Ты права, я перегнул. — Его пальцы поглаживают мою руку. — Всеми своё время. Расскажи лучше, какой проект ты сейчас так активно продвигаешь? Я наслышан о твоей настойчивости. — Он подмигивает мне.

— Ну, толку от этой настойчивости пока мало, но сейчас, смотри...

О любимой работе я могу говорить бесконечно, так что я пользуюсь случаем и показываю ему эскизы проекта, который, я надеюсь, поможет многим семьям из бедных районов покупать жильё, не влезая в такие безумные долги, как сейчас. Ведь мне удалось в несколько раз сократить площадь квартир за счёт двухуровневой планировки, ну и разумной

организации пространства, где не остаётся ни одной «мёртвой» зоны.

Только проблема в том, что я всё быюсь и никак не могу получить финансирование, потому что, похоже, всех устраивает текущее положение дел и «сокращения долговой нагрузки населения» нет в ближайших планах.

Куэйн отмечает, что идея отличная и его отец по удачному стечению обстоятельств прямо сейчас ищет новый благотворительный проект. Им вполне может стать мой. Мне не стоит волноваться, он всё решит. А ещё Куэйн удивлён, откуда я вообще знаю о проблемах в неблагополучных районах.

Я ссылаюсь на новости и умалчиваю о том, что на этот проект меня вдохновила встреча с биологической матерью. Тогда я своими глазами увидела, как живут люди в бедных районах.

После разговора с ней я бездумно брела по улице. Брела между домов, словно вылепленных из спрессованного пепла, среди таких же, как и дома, безнадёжно выгоревших и унылых прохожих. Песчаный ветер с Пустоши щипал лицо — внутри меня тоже завывал ветер. В том месте, где раньше пряталась девочка, убеждённая, что мир добр и прекрасен, что мамы должны любить своих дочерей, а конец всегда счастливый, образовалась пустота.

Сначала я не особо разбирала дорогу, но потом взгляд начал цепляться за лица, оранга уже потеряла цвет, и включилась подсветка. Она словно сделала все углы острее. Моё и

без того ноющее сердце каждый раз сжималось от вида худеньких, с тёмными провалами вместо пухленьких щёчек детей. С серьёзным видом по одному или небольшими компаниями они брели куда-то совершенно одни.

Костюмы некоторых были с заплатками — причём порой одна заплатка перекрывала другую, — у других, обычно на коленках или локтях, зияли ничем не прикрытые дыры. Многие из детей кашляли, а ещё они постоянно тёрли глаза. Я крутила головой, а в ней роились панические мысли, и пока я гадала, чем могу им помочь, по привычке достала из сумки батончик и начала жевать.

Ко мне приближались двое ребят постарше, я немного выдохнула, заметив наоки хотя бы у них, но тут же сжалась, потому что в их взглядах встретила столько неприкрытой неприязни. Я даже обернулась, но оба смотрели прямо на меня.

— Они там совсем у себя в центре зажрались, это что, новый аттракцион? Прогулка по трущобам? Где прячется твоя охрана, а, крошка? — с вызовом бросил один из них. Его достаточно симпатичное лицо портила лишь россыпь прыщей и оставшихся от них рубцов.

— Смотри, как жрёт, а... Нет бы обычный пак притащила! Не-е-ет. Она батончик повкуснее, специально издевается, — присоединился его друг, пялясь на меня, а я чуть не подавилась. — Чё, ждёшь, когда мы на колени упадём и начнём умолять тебя поделиться? Щас! Не дождёшься!

Хоть они оба и были младше циклов на десять, но уже вытянулись и обогнали меня ростом. Они нависли надо мной, ожидая ответа. А я только в этот момент осознала, насколько серьёзно вляпалась, прогуливаясь одна. Я стояла и судорожно кашляла. То ли от нервов, то ли от того, что батончик прошёл не в то горло, я чуть не выплюнула на той улице свои лёгкие.

— Походу, какая-то болезная... — Отвернулся и сморщился прыщавый паренёк. — Пошли отсюда. Чё с неё взять...

И тут я поняла, что лишь я сама смогу вернуть к жизни ту девочку, что верила в добро. Я сглотнула и пропихнула страх подальше.

Они всего лишь голодные дети.

Очерстевшие, как и мир вокруг них.

Ко мне вернулся голос, я окликнула их, а когда меня не слышали, догнала. Дрожащей рукой я протянула им пару завалявшихся в сумке батончиков:

— Хотите?

Сколько же недоверия было в их глазах... Словно они думали, что я поманю их, а потом убегу, только с учётом длины моих ног это было бы довольно проблематично.

— Э-э-э, ну пасиба. — пробурчал куда-то себе под нос парень с прыщами на лице. — Мы один возьмём.

— В смысле один?! — Друг пихнул его локтём. — Лин, ты чё, сбрендил? Да нам, может, раз в жизни так подфартило!

— Лучше мелким дай. — Лин махнул головой в сторону, откуда за нами следили трое ребят помладше.

— Вот же обло-о-ом... — протянул его друг, но спорить не стал.

В итоге я раздала детям все запасы батончиков, что были при мне. Они забрали даже надкусанный. Я хотела купить что-то ещё, но они такие радостные унеслись прочь, что я не успела их остановить.

И тогда я решила, что должна помочь таким, как они, и их родителям чем-то посерьёзнее батончиков. Пусть моей биологической матери не нужна ни я, ни моя помощь, ни моё общество, кроме неё на окраинах живут миллионы других людей.

— Они ничем не хуже нас, просто им повезло чуть меньше, — говорю я Куэйну.

Он соглашается и тоже рассказывает про свой последний проект и о том, что ещё до завершения обязательной отработки в Центре искусств несколько корпораций предложили ему должность архитектора у них в штате. Сначала я думаю, что дело в связях его отца, но, изучив внимательнее все материалы, меняю мнение. У него определённо талант. А ещё, когда он рассказывает о работе, на его губах появляется лёгкая улыбка.

Надо дать ему шанс.

Он подсаживается ближе, чтобы мы вместе могли смотреть в его планшет, я осознаю это, лишь когда его рука ло-

жится мне на поясицу. В первое мгновение напрягаюсь, но приятное тепло от его ладони расходуется по телу. Он болтает и придвигается всё теснее. Ноздрей касается свежий, с ноткой горечи запах, не отталкивающий, а мужской, достаточно притягательный.

Куэйн нажимает на какую-то кнопку на столешнице, после чего парк за окном пропадает — стекло чернеет, на тёмном полотне остаются лишь мелкие прозрачные точки, сквозь них с улицы проникает свет.

— Словно звёздное небо, — вслух поражаюсь я, глядя на окно.

— Ага, это ещё не всё, погоди, — его дыхание касается моего уха.

Подсветка над нами выключается, а центр нашего столика раскрывается.

Вжих, и оттуда вырываются язычки пламени, словно мы сидим у костра и нет немногочисленных посетителей вокруг.

Рядом со мной мужчина. Довольно привлекательный мужчина. Он прижимает меня к себе, и у него даже не болит живот. Правда, пламя со стола придаёт его глазам нездоровый блеск.

— Закажи мне какой-нибудь десерт. — Мне просто необходимо чем-то занять рот.

— Хочешь сладкого? — Шепчет он мне в губы.

Нет-нет-нет, да-а-а.

Его губы касаются моих прямо среди зала. Он так близко,

его дыхание обдаёт меня жаром, язык ласкает мой. То, что происходит между нами, лишь физиология. Я не чувствую ничего необычного, но это неплохо, это даже приятно. Он на секунду прерывает поцелуй, жмурится и сжимает кулаки.

— Как же долго я этого ждал... Моя, — его голос слегка дрожит, а потом Куэйн, не давая мне опомниться, снова набрасывается на мои губы.

Мужская ладонь жадно шарит по моей спине.

Проклятие и правда исчезло.

Внутренне я ликую, хочу сильнее развернуться к нему и случайно задеваю локтем что-то на столе. Тут же ловлю предмет второй рукой. Я отрываюсь от губ ничего не понимающего Куэйна и отупело гипнотизирую лезвие, остриём упирающееся ему в брюки. Я поднимаю руку, и алые капли стекают от моей сжатой в кулак ладони вниз по запястью.

— Рангана, но как? — Куэйн аккуратно забирает нож. — Твоя рука в крови, нам надо в госпиталь, сейчас я рассчитаюсь.

— Сиди. Я в порядке. У меня в сумочке всё есть.

В туалете я обрабатываю руку. Ничего серьёзного, специальный состав быстро склеивает порезы. Для надёжности я накладываю повязку, по инструкции она нужна лишь на ближайшие полчаса. Спасибо курсам первой помощи, всё занимает у меня от силы несколько минут.

Довольная собой, я улыбаюсь собственному отражению.

— Ну что, проклятие, я тебя уделала? Он меня поцеловал.

Дважды. И вовсе не пострадал, ха! — Я выпрямляю спину и уверенной походкой, которую мы с Дарлой долго репетировали, шагаю к нашему столику.

Куэйн изучает повязку.

— Вот это да, не зря ты проходила те курсы... Ты точно в порядке?

— Да, точнее некуда, — я улыбаюсь ему, а он глазами впиается в мои губы. — А откуда ты знаешь про курсы?

— Ты же сама как-то говорила. — Он тут же переключается с меня на проходящего мимо официанта.

Пока я судорожно пытаюсь вспомнить, кому в Центре искусств я могла говорить о курсах первой помощи, ведь об этом не знала даже Дарла, Куэйн заказывает нам коктейли. Вспомнив, что записалась на курсы в перерыве между лекциями, я расслабляюсь.

И когда я успела стать такой подозрительной?

Да и откуда ещё он, в самом деле, мог об этом узнать...

Должно быть, он просто услышал, когда я отдавала команду голосовому помощнику.

Нам приносят коктейли. Они прохладные, сладкие и лишь слегка отдают злиттером, но на третьем в ногах появляется слабость, а меня наполняет решимость. Теперь я сама тянусь к его губам.

Один раз живём.

Этот поцелуй долгий, глубокий... С намёком, нет, даже с уверенной заявкой на продолжение. Бокал в руке потряхи-

вает от волнения, и я проливаю часть содержимого Куэйну на брюки.

— Прости, — говорю я без нотки сожаления.

Я не узнаю смелую женщину, которая берёт в руки салфетку и, не отрывая взгляда от глаз Куэйна, трёт его брюки. Он чуть отодвигается от стола, чтобы мне было удобнее.

— Знаешь, я никогда не верил этим бредовым слухам, что про тебя распустили. Не сомневаюсь, кто-то из твоих бывших решил тебе насолить. Ну какое ещё проклятье?

Я, словно ошпарившись, отдёргиваю руку от его штанов и бросаю сжатую в комок салфетку на стол.

— Но я не верил, и не зря, такая горячая девочка.

После этих слов меня пробирает стыд и отвращение, я оглядываюсь по сторонам и, словно вижу себя чужими глазами.

До чего я докатилась?

От отчаяния позволила малознакомому мужчине целовать себя на глазах у всех. А у меня ведь даже нет к нему чувств.

Пора всё это заканчивать.

К нам приближается официант с подносом. Теперь не тот, что обслуживал наш столик, а гораздо моложе. Он старается держать фирменную выправку, но видно, как жилы на кисти под подносом вздулись от напряжения, а улыбка на его лице выглядит крайне неестественной.

Видимо, новенький.

Он смотрит то на горящий голубым огнём стейк, то куда-то мне за спину и не замечает лазерно-жёлтую сумочку, стоящую на полу. Дальше всё словно в каком-то дурацком фильме.

Официант спотыкается, стейк летит прямо на Куэйна. По спине пробегает озноб, и меня примораживает к месту, потому что я наблюдаю за его падением. В первую секунду я радуюсь, что всё обошлось, но Куэйн подскакивает и шлёпает себя по брюкам. Пламя яростно пожирает ткань.

Женщина с соседнего столика выплёскивает на Куэйна содержимое своего стакана, после этого пламя вспыхивает с удвоенной яростью, Куэйн по-девчачьи визжит и уносится в туалет, а я мгновенно трезвею.